

Переводная поэзия в периодике регионов дореволюционной России¹

В статье представлены результаты комплексного качественного (концептуального) и количественного (количественного) исследования впервые составленной библиографии стихотворных переводов, опубликованных в периодике регионов Российской империи 1880-1910-х гг. В качестве лидирующих выделяются газеты Сибири и Юго-Западного края, определяются стратегии переводческого восприятия немецкой, французской, итальянской поэзии, анализируются циклы переводов из наследия Г. Гейне, Н. Ленау, А. Мюссе, П. Верлена, А. Негри; атрибутируются имена репрезентативных авторов таких циклов, выявляются их переводческие стратегии.

Ключевые слова: художественный перевод, литературная периодика, рецепция, русско-европейские связи, переводная литература.

Рубеж XIX-XX вв. представляет собой период в истории и культуре Российской империи, когда стремительно нарастают тенденции к регионализму и формированию локальных текстов в провинциях, с одной стороны, и становилась более интенсивной связь центра с местными властями на государственном, административном цензурном уровнях, с другой стороны. Фактически, наблюдалось своего рода смещение акцентов культурной, в том числе и языковой политики на периферийные области, и ярким репрезентантом этого процесса стала периодика некоторых регионов, обратившихся вдруг к новинкам и традициям зарубежной литературы, очевидно, за опытом их программного или индивидуального освоения, без оглядки на опыт столичных авторов.

Наиболее активными в данном контексте оказались сибирские издания и газеты Юго-Западного края, в частности, Томска, Одессы и Киева, соответственно. Переводы иноязычной прозы и поэзии представляют на страницах периодики этих провинций значительный корпус, демонстрирующий различающиеся имагологические стратегии, нельзя отрицать литературоцентризм в формировании культурной идентичности силами средств массовой информации в то время, специфика которого связана со стремлением регионов иметь собственное суждение о культурной географии страны и мира.

Цель данной статьи – проанализировать собранную библиографию стихотворных переводов в дореволюционной периодике Юго-Западного края и Сибири в сравнительном аспекте на предмет состава зарубежных литераторов и их произведений, стратегий перевода местных авторов, мотивах выбора и освоения поэзии тех или иных направлений и сюжетов.

В периодике Юго-Западного края большинство переводных стихотворений находится в библиографии изданий «Одесские новости» - 56 произведений, далее следуют «Южное обозрение» - 33, «Киевская мысль» - 20. «Киевлянин», лидирующий по общему объему переводного контента за счет публикации крупной прозы зарубежных авторов, содержит 24 таких источника. В томской печати лидерами в данном плане являются газеты «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь», в каждой из них находится не менее 25 и 18 переводных стихотворений. Однако репертуар изданий двух регионов значительно отличается, что обусловлено несколькими факторами. Во-первых, периодом активности печатных органов разных газет в одном регионе и их направленностью. Так, в последние десятилетия XIX в. наибольшее количество стихотворений зарубежных авторов появляется в газетах, уже имевших к началу века свою историю и устоявшуюся культурную программу: из привлеченных нами это «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» (1885-1906) и политическая, литературная, научная, общественная и

¹ Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Проект МД 852.2019.6 «История русской переводной литературы рубежа XIX-XX вв.: на материале периодики регионов Российской империи».

коммерческая газета «Одесские новости» (выходила в 1884-1920 гг., с перерывами в период большевистского режима). «Сибирская жизнь» и «Киевская мысль» были основаны несколько позже.

С типологической точки зрения Сибирь и Юго-Западный край имеют объясняющее такой интерес к западной словесности и культурной жизни важнейшее сходство, которое заключается в полиэтническом составе населения, многочисленности немецкой и польской диаспор, наличии сложносоставной коренной национальной прослойки, взаимодействие с которой мотивирует к осознанному поиску стратегий межкультурной, межконфессиональной коммуникации, к пониманию баланса между ассимиляцией и метисацией местного населения. Философско-культурологическое основание для решения этого, по сути, общего для обоих регионов принципиально важного вопроса предоставило областническое течение, которое как раз на рубеже XIX-XX вв. переживало расцвет в реализации своей практико-ориентированной программы, при этом в обоих регионах. Украинское и сибирское областничество обнаружили кардинальные расхождения в решении национального вопроса, но это произошло это в действительности несколькими десятилетиями позже того периода, который находится в центре нашего внимания. Утверждая, что сибирское областничество является «наиболее плодотворным, и в содержательном и в научном отношении», А.В. Малинов справедливо замечает, что «историческая трагедия украинского областничества состояла в том, что активизировавшийся на рубеже XIX-XX веков украинский национализм и сепаратизм впоследствии провозгласил теоретиков украинского областничества своими идейными предшественниками» и что взгляд на украинское областничество сквозь призму национализма «существенно искажает восприятие и оценку этого движения, нивелирует гуманистическое и демократическое содержание самого областнического учения»².

Более важным в рамках нашей концепции являются типологические и генетические сходжения двух областнических течений, определившие, очевидно, и стратегическое значение обращенности к зарубежным литературным, философским и научным тенденциям, то есть к переводу в широком смысле слова, как имагологическому инструменту. Основными из таких типологических сходств являются: во-первых, использование журналистики и, соответственно, местной периодики, в качестве главной площадки для трансляции своих программных установок; во-вторых, стремление к формированию прослойки провинциальной интеллигенции; в-третьих, умеренно-либеральная критика принципа централизации и «последовательное отстаивание принципов федерализма в различных его формах»³. Кроме того, в процессе исследования выявленной библиографии переводов следует помнить о том, что сибирское областничество непосредственно наследовало идеи более старшего поколения украинского областничества: «в Петербургском университете Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин и С.С. Шашков слушали лекции Н.И. Костомарова, в шенкурской ссылке Н.М. Ядринцев и С.С. Шашков оказались вместе с А.Н. Строниным (гимназическим учителем М.П. Драгоманова)»⁴.

Таким образом, две репрезентативные области, выявленные в результате фронтального просмотра периодики регионов России, не являются случайными, и их компаративное сопоставление в аспекте определенных стратегий на материале переводной литературы является обоснованным и актуальным.

Немецкая поэзия

Общей для обоих регионов особенностью можно считать количественную представленность поэзии в сравнении с малой прозой, преобладающей в переводном контенте всех изданий. В упомянутых газетах поэзия составляет не более 10-15 процентов

² Малинов А. В. Философия и идеология областничества. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 8-9.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же.

таких публикаций. Вторым немаловажным аспектом, определяющих сходство стратегий литературных редакторов таких далеких друг от друга областей, как будущая Украина и Сибирь, в дореволюционное имперское время, следует считать преобладание немецкоязычных источников, к переводу которых охотнее всего обращаются местные авторы. Самым популярным из них выступает Г. Гейне, из творчества которого представлены не менее 15 текстов в оригинальных переводах, псевдопереводах и подражаниях в «Фельетонах» центральных томских газет, а также не менее 23 вариаций в одесских и киевских изданиях.

Репертуар переводов стихотворений Г. Гейне в периодике Сибири и Юго-Западного края по своему объему вполне сопоставим, томищи выбирают преимущественно любовные мотивы, придавая им байроническое звучание и нивелируя иронические ноты немецкого литератора, авторы «Одесских новостей» в большей мере привлекают тему поэта и поэзии, пейзажные зарисовки Гейне и лирические медитации. В обоих регионах появление циклов переводов и подражаний этому немецкому поэту в каждом издании связано, главным образом, с именем одного автора. В Одессе это А. Владимиров, которому принадлежат не менее 12 произведений под заглавием «Из Гейне», в Томске чаще других к нему обращался поэт и критик И. Северный (И.И. Почекас), наследие И. Северного как переводчика едва ли не более значительно, чем его оригинальное творчество. При этом пик увлечения Гейне в обоих случаях пришелся на 1890-е годы. Основные наблюдения о рецепции Г. Гейне в сибирских и юго-западных газетах сделаны Ю.С. Серягиной⁵. Исследователь справедливо отмечает, что «творчество Гейне переосмысливается и предстаёт в виде самостоятельных произведений местных авторов, являясь источником вдохновения, помещается в качестве эпиграфов и отмечается в литературных статьях как эталон поэтического мастерства»⁶.

Второе место среди немецких поэтов в обоих регионах занимает стихотворец-романтик Н. Ленау. В Одессе в 1892 г. публикуется цикл переводов его поэзии, выполненных Х. Зингером⁷, в Томске в это же время выходят переводы «Зимней песни» и «К моей гитаре», но назвать их удачными не представляется возможным⁸, в отличие от более поздней подборки 1912 г., авторство которой принадлежит сибирскому поэту И. Иванову. Тематика и образность этих переводческих циклов в двух провинциях вновь разнятся. Сибиряки выбирают песенные, природные и любовные мотивы, облекая их в символистскую поэтику, южане предпочитают иной полюс романтической проблематики, связанный с народностью, изображением национального своеобразия. Сами за себя говорят заглавия заимствованных произведений: стихотворения «Туча», «Праздник любви», «Упрек», «Песня в камышах» опубликованы в «Сибирской жизни» за 1912 г.; стихотворения о судьбе и высоком предназначении поэта («Из Ленау» и «На мотив из Ленау»), зарисовка «Цыгане» и исторический фельетон «Фулько» - двумя десятилетиями ранее в «Одесских новостях».

Следует отметить также цикл стихотворений известного переводчика с французского, испанского, португальского и классических языков, немецкого поэта Э. Гейбеля (1815-1884), который в юго-западных газетах насчитывает 4 публикации, первые

⁵ Серягина Ю.С. Немецкая поэзия XVIII-XIX веков в сибирской печати 1980-1910гг. // Текст. Книга. Книгоиздание. – Томск: Изд-во ТГУ, 2017. – С. 57-75;

⁶ Серягина Ю.С. Г. Гейне в региональной периодике Российской империи рубежа XIX-XX вв. / Немецкий язык в современном мире: исследования статуса и корпуса и вопросы методики преподавания: материалы II Международного научного форума (18–19 сентября 2019 г.). – Томск: Издательский Дом ТГУ, 2019. – С. 97-106. С. 105.

⁷ На мотив из Ленау // Одесские новости. – 1892. – № 2314, Из Ленау // Там же. № 2365; Цыгане. Из Ленау // Там же. № 2419.

⁸ Никонова Н.Е., Серягина Ю.С. Поэзия Н. Ленау на страницах томской периодики начала XX в.: резонансы переводческого восприятия // Ученые записки Орловского государственного университета. № 6. 2015 г. С. 196-200.

переводы принадлежат З.А. Харову и выходят в «Южном обозрении» в 1897 г.⁹; в 1898 и 1899 гг. к поэзии Гейбеля обращается «Киевлянин»¹⁰.

Таким образом, немецкая поэзия на страницах региональной периодики в обоих регионах представлена преимущественно произведениями классиков позднего романтизма Г. Гейне и Н. Ленау, творившими несколькими десятилетиями ранее переводчиков-поэтов, к ним обратившихся, что свидетельствует о некоторой ретроспективности и консервативности вкусов, а также об общей для регионов нацеленности на традиционную аксиологию при реализации программы, связанной с литературоцентричностью русской духовной культуры. Разница в выборе сюжетов и их оформлении открывает тонкие грани особенностей культурного самоопределения в разных областях империи: сибиряки ориентируются на любовные, природные мотивы; южане выбирают чаще философские, исторические, портретные зарисовки, что может быть связано с социальной и этнической особенностями в регионах. Более острая на юге полемика по вопросу взаимодействия национальных традиций выдвигала на первый план имагологическую проблематику, культурная же программа сибирского областничества по гуманистическому решению инородческого вопроса заставляла нейтрализовать социально-исторические подтексты при выборе материала для переводов из зарубежной поэзии, ориентируясь скорее на понятный репертуар, традиционный для русской классики. Тенденция к осторожному отношению к современным веяниям прослеживается и в восприятии французской поэзии в обеих провинциях.

Французская поэзия

В сибирских периодических изданиях стихотворные переводы с французского не представлены значимыми циклами, особенно в сравнении с массивом французской малой прозы, которая в количественном отношении лидирует в соотношении с другими инонациональными авторами (более 240 произведений), и этот факт не является случайным. В критических статьях и аналитических обзорах современной литературы французская словесность рубежа веков выступает по понятным причинам синонимом декаданса, модернизма, в целом, который воспринимается исключительно как упадок и деградация европейской мысли. Исключением является, пожалуй, лишь оригинальное и переводное поэтическое наследие И. Иванова (но уже в начале 1910-х гг.), который рискнул обратиться к символистской поэзии, не концентрируясь при этом на ее экстремумах, и перевел несколько стихотворений с французского. Однако, Бодлер в его интерпретации изменяется до неузнаваемости. К примеру, известное стихотворение «*Enivrez-vous!*» («Опьяняйтесь!»), взятое в качестве эпиграфа, получает форму социального призыва, актуального в начале 1910-х гг., и вместо «*Il faut être toujours ivre. Tout est là : c'est l'unique question*» («Надо быть вечно пьяным, в этом - всё; вот - единственное решение») читаем:

Любите, любите.
Тоскуйте, страдайте, молитесь,
В глубокие воды смотрите.
К далекой звезде возноситесь...¹¹

При всей осторожности Иванов все же подвергается серьезной критике со стороны современников за свои эксперименты. Отмеченная специфика его художественного метода вызывает критический отзыв Г.Н. Потанина, сформулированный им в письме к будущей супруге, поэтессе М.Г. Васильевой от 20 января 1910 г. Посылая ей дебютный номер «Сибирской Нови», он неодобрительно высказывается об особом стиле «первенца»

⁹ Из Э. Гейбеля // Южное обозрение. – 1897. – № 148; На море (Из Гейбеля) // Южное обозрение. – 1897. – № 151.

¹⁰ На воде. Из Гейбеля // Киевлянин. – 1898 – №239. – С.2. Подпись: Северянин; Из Э. Гейбеля // Киевлянин. – 1899 – №87 – С. 2. Подпись: Н. Глокке

¹¹ Всем // Сибирская жизнь. – 1912. – № 225. – С. 3.

издания, получившего «мистический колорит» из-за виньеток с «деревянными истуканчиками сибирских дикарей» М.М. Щеглова, портрета шамана работы Базановой и поэзии Иосифа Иванова. Потанин называет ее «кабалистической», имея в виду отличавшую подборку произведений символистскую поэтическую семантику. Форму сочинений Иванова он определяет как: «не стихотворения, но стихоплетения»¹².

В списке стихотворных переводов, пожалуй, самого продуктивного переводчика поэзии в дореволюционной Сибири Г. Вяткина также имеются несколько произведений, взятых из французской литературы, но все они принадлежат авторам, которые являются сторонниками скорее классических форм, эстетики и философии. К примеру, Вяткин выбирает стихотворение романтика Теофиля Готье («Друзьям»¹³), 2 текста его последователя, Нобелевского лауреата, представителя группы «Парнас» Сюлли-Прюдома (Рене Франсуа Арман Прюдом, 1839-1907), а также стихотворения на революционно-протестную тему из Гюи де Ровеллена, очевидно, автора второго ряда, сегодня мало кому известного. Однако в его переводах темы и избранные сюжеты этих противопоставленных стихотворцев облекаются в единообразные формулы русской поэзии первой половины века, и голос сердца, определенно, превалирует над «точностью глаза» натуралистического или реалистического плана. Если Сюлли-Прюдом считает стихотворство попыткой пробраться сквозь шаблоны языка к первоначальной сути вещей посредством символики, то его сибирский переводчик скорее занимается обратным процессом в отношении французских текстов: переносит их образность из сферы бесконечности в поле предельной чувствительной осязаемости. Ср. из письма французского поэта: «Для поэта, бесконечность начинается с бесцветного и неотчетливого; облако, туча там и есть символ, для Паскаля или Спинозы, бесконечность, напротив, единственная положительная вещь, а именно законченность поистине негативна. Язык, в этом отношении, принял форму общедоступного понятия, которое является обратным метафизическому понятию. <...> и если я занимаюсь еще тем, что пишу стихи, то это благодаря природному инстинкту, который <...> возвращает нас к нашему ограниченному видению».¹⁴

Выбранное Вяткиным произведение Сюлли-Прюдома «Глаза», входящее в сборник «Стансы и Поэмы», опубликованный в 1865-66 гг., представляет собой пятистишие, зарисовывающее картины бытия «по ту сторону гробницы», через символический образ глаз умерших, которые, после смерти, продолжают видеть красоту, хоть и, вероятно, отличающуюся от земной. Оригинал Сюлли Прюдома погружает читателя в «загробный мир», эстетизируя тематику жизнеощущения после смерти вне религиозного контекста. В последней строфе наиболее отчетливо смещение акцента в переводе Вяткина: оригинал Прюдома этим четверостишием отчасти повторяет начало стихотворения, задавая перспективу с «точки зрения» умерших («глаза открыты на другой стороне гробницы»), тогда как перевод отражает эту ситуацию с иной позиции: «Легко поверя в смерть, ... мы закрывали их, безмолвие храня», «те сотни тысяч глаз, ... что раньше нас вели». В переводе Вяткина читатель оказывается на месте тех, кто остался «по эту сторону гробницы» и кому доводится мириться с утратой, в результате весь сюжет приобретает религиозное звучание, и новаторство Прюдома в создании образов-символов, вокруг которых образует поэзия, обретает линейность.

“Les yeux”

Bleus ou noirs, tous aimés, tous
beaux,
Ouverts à quelque immense aurore,
De l'autre côté des tombeaux

Подстрочник

Голубые или черные, все
любимые, все красивые,
Открыты для огромного
рассвета,

Перевод Г. А. Вяткина

Легко поверя в смерть, как
тягостно и сиро,
Мы закрывали их, безмолвие
храня,

¹² Азадовский М.К. Литература сибирская (дореволюционный период) // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1932. – Т. 3. – С. 189.

¹³ Друзьям. Из Теофиля Готье / Фельетон «Сибирской мысли» // Сибирская мысль. – 1906. – № 46. – С. 3.

¹⁴ Сашина Е.В. Концепция символа у Теофиля Готье и поэтов парнасской школы // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2011. № 15. С. 50-57.

Les yeux qu'on ferme voient
encore¹⁵.

На *другой стороне гробницы*
Закрытые глаза все еще видят.

Но там горит для них заря *иного*
мира,
Неизреченный свет немеркнувшего
дня¹⁶.

Стратегии Г. Вяткина-переводчика получают разъяснение и в его критических статьях о современной французской литературе, в которой лучшим из прозаиков он считает Ромена Роллана (1866-1944) с его романом «Жан Кристоф», открывшим новые методы анализа чувства героя. «Бодрый и жизнерадостный, полный пафоса бытия, Ролан выделяется в современной неврастенической литературе», как «вестник встающего дня, трибун поэзии и свободы»¹⁷, - отмечает критик.

Наконец, необходимо упомянуть и стихотворные произведения И. Северного, его выбор останавливается исключительно на поэзии с лирическим, мистико-романтическим сюжетом: автора привлекают сочинения К. Мендеса («Суд над розами»¹⁸, «Другой»¹⁹), Ж. Леметра («Любовь»²⁰), поэтический отрывок из «Orientales» В. Гюго («У моря я стою в сиянии луны...»²¹).

Таким образом, в переводной поэзии с французского сибирские авторы целенаправленно выделяют сюжеты и формы, не связанные с крайними модернистскими течениями и авторами. Сходные процессы можно наблюдать и в периодике Юго-Западного края, авторы которой не обращаются к разнообразию декадентских настроений, ограничиваясь, к примеру, вниманием к наследию романтика А. де Мюссе. В «Одесских новостях» 1893-1894 гг. вновь благодаря стараниям А. Владимировича появляются 3 стихотворения, заглавие которых связываются с Мюссе и лейтмотивами его наследия. Приведем для наглядности опубликованное первым произведение «Ива», отсылающее к одноименной поэме французского автора:

Ива

(А. Мюссе)

Пусть бледная ива в слезах осенит
Ту могилу, где буду зарыт!
Друзья, мне казалась ива родной,
Вечно бледная, с грустной листвою.
Пусть повиснет слегка над могилой моею
Безмятежная зелень ветвей!²²

Довольно точный перевод содержит первые и повторяющие их последние строки оригинала, образующие кольцевую композицию для романтического сюжета довольно крупной поэмы о смерти возлюбленной, раскрывающегося голосом лирического Я. Первый полный русский перевод поэмы вышел в «Веке» в 1861 г., то есть за 30 лет до одесского. Таким образом, задача провинциального автора состояла скорее в том, чтобы познакомить со своим прочтением уже известного просвещенному читателю образа французского классика. Важно то, что он считает поэтическую семантику романтизма актуальной в период споров о реализме и модернизме, что во многом повторяет стратегии сибирских литераторов.

¹⁵ Œuvres de Sully Prudhomme. Poésies. Stances & Poèmes, 1865-1866. https://fr.wikisource.org/wiki/Œuvres_de_Sully_Prudhomme/Poésies_1865-1866

¹⁶ Из Сюлли Прюдома // Сибирская жизнь. – 1915 г. – №157. – С. 4.

¹⁷ Ромэн Ролан. Жан-Кристоф. О новой части серии / Новые книги и журналы // Сибирская жизнь. – 1913. – № 155. – С. 2. Подпись: Г. Вяткин

¹⁸ Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск, 1884–1905. 1894 № 41.

¹⁹ Там же. 1894 № 118.

²⁰ Там же. 1894 № 35.

²¹ Там же. 1896 № 255.

²² Ива (А. Мюссе) / Фельетон «Одес. Нов.»// Одесские новости. – 1893. – № 2819. – С. 2. Подпись: А. Владимиров

Второе стихотворение А. Владимирова, взятое из Мюссе, закрепляет это наблюдение, оно выходит в том же месяце и представляет еще одну известную тему и эстетический манифест французского поэта, его произведение «Прости». Переводчик передает некий ореол образности оригинала, диалог мужского лирического Я с оставившей его возлюбленной, но о точности такой передачи говорить не приходится, поскольку в русском тексте использованы, как и у Вяткина, характерные поэтизмы и средства художественной выразительности, отсылающие накануне XX века к слогу, ставшему привычным благодаря стихотворцам века XIX. Это очевидно из сопоставления перевода одесского автора с вариантом его современника А.Д. Облеухова (1861-1949):

Из А. Мюссе

Прости

(перевод А. Владимирова)

Прости... не даром мне приснилось –
Нам не увидеться опять!..
Что я любил тебя – открылось,
И мне пришлось тебя терять.

Покорен я тому, что будет –
Ни слез, ни жалоб! – Все губя,
Пусть за тобой корабль прибудет,
С улыбкой провожу тебя!

Полна теперь ты упования,
Надменной вновь вернешься ты...
Но тех, кому **даришь страдания**,
Узнаешь ли потом черты...

Прости!.. прекрасною мечтою
Опасно ты упоена,
Звезда сияет над тобою,
Сияньем ты **ослеплена**.

Когда-нибудь души любимой
Ты будешь цену понимать,
Полна тоски неодолимой,
Когда пришлось ее терять²³.

Альфред де Мюссе

Прости

(перевод А. Облеухова)

На унылом и тягостном жизни пути
Я не встречу тебя никогда,
Говорю я с улыбкою горькой: "Прости,
Безмятежного счастья звезда!" -

Улыбаясь, но с черной змеею в груди
Буду друга я вдаль провожать,
С безысходной тоскою скажу: "Уходи!",
Но потом засмеюся опять...

Ты, как ветер свободный, стремишься вперед,
Но **спокойно** вернешься опять,
Тебе **счастье** на крыльях своих принесет
И любовь, и весны аромат.

Твое **счастье** блеснет золотистым лучем,
Как небес полуночных звезда,
И **сомненье**, царившее в сердце твоём,
Улетит, не оставив следа.

Но пройдет вереница блестящих годов,
Перед бездной ты вздрогнешь опять, -
Вспомнишь друга, который всегда был готов
Твое чуткое сердце понять²⁴.

Первый перевод представляет сюжет о несчастливой любви в сентиментально-романтических тонах, с усиленной эмоциональной составляющей и измененной мотивировкой чувств лирического Я, испытывающего обиду и предсказывающего бывшей подруге некую расплату за свои страдания (ср. выделенные нами соответствия).

Говоря о стихотворных переводах с французского, нельзя не обратить внимание на выделяющийся на общем фоне цикл из П. Верлена, составленный не менее чем 5 текстами, принадлежащими В. Гусеву, обозревателю газеты «Киевская мысль», которая была образована позже «Одесских новостей», уже после революционных волнений 1905 г., и выходила с 1905 по 1918 гг., то есть в период самых интенсивных социально-политических изменений в регионах России. Интересно, что на страницах, других просмотренных периодических литературных изданий края импрессионистическая поэзия не нашла популярности, как и в сибирских фельетонных рубриках. Переводы программных стихотворений Верлена своим появлением в либеральной печати свидетельствуют, с одной стороны, о динамике в литературном процессе на материале переводной литературы, с другой стороны, о неизменной направленности к признанным авторам и ставшим

²³ Из А. Мюссе. Прости / Фельетон «Одес. Нов»// Одесские новости. – 1893. – № 2824. – С. 2. Подпись: А. Владимиров.

²⁴ <https://stihi.home-task.com/alfred-de-myusse-prosti/>

классическими текстам недавнего прошлого, к стремлению оставаться в русле современности и одновременно к отказу от следования самым популярным новинкам.

Библиография Гусева-переводчика Верлена включает в себе самые популярные у российских литераторов произведения: «Утренняя звезда»²⁵, «Ночь»²⁶, «Осенняя песнь»²⁷ (доныне было известно не менее чем о 19 опубликованных русских переводов «Chanson d'automne», в том числе предшествовавших тому, о котором идет речь²⁸), «Сентиментальная беседа». Все вышли в 1910-1912 гг., то есть на стадии самого активного развития газеты. Стихотворные переводы из Верлена насчитывают в целом в изданиях юго-западной и центральной (не столичной) России (имея в виду, например, ростовские «Приазовский край», «Южный телеграф») начала века не менее двух десятков источников и заслуживают специального изучения, учитывая богатую историю вопроса о переводной множественности на прецедентном материале. Продемонстрируем реализацию стратегии В. Гусева на примере его перевода «Осенней песни»:

Paul Verlaine Chanson d'automne	Подстрочный перевод О. Седаковой	Осенняя песнь (Перевод В. Гусева)
Les sanglots longs Des violons De l'automne Blessent mon coeur D'une langueur Monotone.	Рыдания Скрипок Осени Ранят мое сердце Томлением Монотонным.	Стонет унылая , Грустная, милая Песня погасшего лета. Сердце мятежное Мантией нежною , Мантией звуков пригрето...
Tout suffocant Et blême, quand Sonne l'heure, Je me souviens Des jours anciens Et je pleure	Все удушает И мертвенно-бледно, когда Бьют часы, Я вспоминаю Ушедшие дни И плачу.	Точно хрустальная Дремлет печальная , Странно прозрачная даль. Дремлет минувшее, Счастьем блеснувшее ... Счастья далёкого жаль!
Et je m'en vais Au vent mauvais Qui m'emporte Deçà, delà, Pareil à la Feuille morte ²⁹ .	Я ухожу К злему ветру Который меня уносит Туда, сюда Наподобие Мертвого листа ³⁰ .	Листья усталые , Алые, алые Носятся – вьются – упали... Сердце разбитое , Жизнь полужитая , Бледные, тихие дали ³¹ .

С одной стороны, русский текст Гусева по количеству строк эквилинеарен оригиналу и довольно точен в плане соблюдения рифмы. С другой стороны, переводчик значительно распространяет поэтическую лексику за счет добавления эпитетов, маркированных в восприятии русского читателя принадлежностью к репертуару сентиментально-романтической классики, что исключает выражение принципиально значимого новаторства Верлена. Вместо следования минималистской поэтике и попыток воспроизвести напевность невоспроизводимыми в русском языке фонетико-интонационными средствами Гусев избирает альтернативный, последовательно реализованный им метод передачи песенности за счет добавления эпитетов, помещая их в постпозицию (см. выделенные нами в переводе 19 таких определений), что соответствует лексико-синтаксическому и арсеналу русского фольклора. Местный автор представляет

²⁵ Из Поля Верлен. Утренняя звезда // Киевская мысль. – 1910. – Приложение № 31. – С. 245.

²⁶ Из Поля Верлена. Ночь // Там же. Приложение № 35. – С. 277.

²⁷ Из Поля Верлена. Осенняя песнь // Там же. Приложение № 37. – С. 294.

²⁸ Оганесян К.А. В. Брюсов о поэзии французского поэта-символиста П. Верлена на страницах журнала «Весь» // Интерактивная наука. – 2017. – № 5 (15). – С. 91-93.

²⁹ Broome P., Chesters Gr. The Appreciation of Modern French Poetry (1850-1950) Cambridge University Press, 1976. p. 96. (166).

³⁰ <https://www.proza.ru/2016/05/28/1375>.

³¹ Из Поля Верлена. Осенняя песнь // Киевская мысль. – 1910. – Приложение № 37. – С. 294.

собственное прочтение популярного произведения, облекая его в адаптированные к восприятию адресата формы, то есть реализуя доместицирующую методологию перевода на довольно высоком уровне. Целеполагание переводчика доказывается неединичным обращением к наследию Верлена.

В целом, переводческая рецепция французской поэзии в журналистике Сибири и Юго-Западного края обнаруживает тенденцию к избирательному резонансному видению с чертами некоторой ретроспективности.

Итальянская поэзия

В квантитативном отношении итальянская поэзия занимает третье по популярности место, при этом внимание провинциальных авторов и, соответственно, читателей вновь концентрируется в первую очередь на одной персоне из зарубежной поэзии и благодаря лишь нескольким авторам переводов, набор которых, по сути, нами обозначен и является устойчивым для региона. Центральной фигурой, привлечшей внимание переводчиков с итальянского, стала Ада Негри (Ada Negri, 1870-1945), творческая биография которой в отличие от ранее упомянутых европейских поэтов, вероятно, нуждается в предварительном комментарии.

Считается, что поэтесса снискала широчайшую популярность на рубеже веков как представительница направлению веризма благодаря приверженности социально-протестной, политической и бытовой тематике, описанию невзгод выходцев из простых рабочих и крестьян, каковой сама являлась, хотя в зрелом творчестве острая социальная драма стихов Негри сменилась лирически-сентиментальными трагическими нотами, связанными с центральным женским лирическим Я автобиографического характера и с женским вопросом в целом. Будучи невероятно востребованной у переводчиков, критиков и коллег-литераторов в Европе и России начала века, ее наследие по-настоящему получило исследовательское освещение относительно недавно, преимущественно в трудах итальянских ученых и издателей XXI века³². Бесспорно, творчество Негри было широко известно главным образом массовому автору и читателю во всем мире благодаря созвучию основных идей времени рубежа веков ее творческой биографии, простоте стихотворного языка.

Учитывая, что отечественные центральные издательства и столичные переводчики-литераторы обратились к обзорам ее поэзии и творческого пути в самом начале века, переводческая рецепция в региональных периодических фельетонных рубриках видится вторичной, как и в случае с Гейне, Ленау, Мюссе и Верленом, то есть не подразумевает просветительской цели в качестве основной, но предполагает больший интерпретационный потенциал, а значит, функционал перевода как имагологического инструмента. В 1900 г. в столицах вышло сразу две публикации, важных для определения переводческой рецепции поэзии Негри в России: Л. Украинка³³ написала для одного из киевских (!) изданий, а также появилась книга переводов В.М. Шулятикова³⁴. К этому времени уже были известны и переводы М. Ватсон, которые выйдут отдельным изданием спустя 2 года.

Наиболее подробную характеристику дает итальянской поэтессе в своем предисловии к изданию 1900 г. Шулятиков. Задавая векторы критической рецепции: он видит причину успеха и «глубокого общественного и исторического интереса» к Негри в ее «плебейском» мирозерцании и сосредоточенности «на вопросах ultra-материалистических»: «раннее знакомство с борьбой за существование и с суетой фабричной жизни, долготнее пребывание среди батраков Мотта Висконти, занятых

³² См., например: Zovatto P. Il percorso spirituale di Ada Negri: con inediti a Silvio Benco, a Giulio Barsotti e a Giuseppe De Luca; Prefazione di Cristina Benussi, Centro Studi Storico-Religiosi del Friuli Venezia Giulia, Trieste, 2009.

³³ Иллюстрированный сборник Киевского литературно-артистического общества. 1900. С. 187-218.

³⁴ Негри Ада. Стихотворения. Пер. с ит. С портретом Ады Негри и предисловием переводчика. Вып. I. Изд. П.С. Когана. М., Типолитография А.В. Васильева. 1900.

работою на рисовых плантациях, - определили характер её поэзии»³⁵. Другой особенностью, привлекательной для себя и читателя русских переводов стихотворений поэтессы, он считает своего рода апологию страдания, выраженную в них. Критик прибегает при этом к иноязычным вкраплениям, немецким и итальянским, стараясь придать весомость и доказательность своему рассуждению: «этими *leit-motu'vami* являются: своеобразный культ страданий, неудержимое влечение к жизни, *Wille zum Leben*, выражаются немцы, и вера в светлое будущее человечества. "*Soffrire e vivere*" - страдать значит жить, категорически заявляет Ада Негри и заявляет потому, что в её уме с представлением о страдании связано представление обо всем движущемся вперед, трудящемся, мыслящем»³⁶. Подобная ценностная ориентация была характерна для литературной критики регионов начала века, определявшей вкусы читающей публики. Ср., например, лестное высказывание Г. Вяткина о «Жизни Бетховена» Р. Роллана: «Необыкновенная чуткость к страданию - существенно-характерная черта произведений Ролана, роднящая его с Достоевским. Ролан ставит интересную психологическую проблему: «Радость из страдания»»³⁷. Однако авторы переводов в региональной периодике создали свой образ А. Негри, который дополняет идеологизированное позиционирование ее творчества рецензентом в центральной печати.

В библиографии выявленных нами переводов из творчества итальянской поэтессы, насчитывающей не менее 14 публикаций, особо выделяется цикл стихотворных переводов, созданный Е.Н. Бунге и вышедший в «Киевской мысли» в 1910-1912 гг. Екатерина Николаевна Бунге (1874 г.р.) была дочерью профессора химии Киевского университета Н.А. Бунге (1842-1914). Семья была высоко образованной, в доме общались на русском, французском и немецком языках.

Выбор переводчицы, во многом, обусловлен предпочтениями, альтернативными тем лейтмотивам, которые к концу 1890-х закрепились в российской печати за именем Негри. Бунге последовательно создает образ А. Негри как представительницы символизма и наследницы центральных концептов романтизма, автора поэтических пейзажей, полных психологизма и образов-символов. В своей подборке она избегает острой социально-политической проблематики в русле натуралистических настроений итальянского веризма, но также и излишнего сентиментализма любовных сюжетов. Бунге выполнила следующие переводы из Негри для «Киевской мысли»:

1. Ночь (Из Ады Негри) // 1910. Приложение № 44.
2. Снег (Из Ады Негри) // 1910. Приложение № 53.
3. Туман (Из Ады Негри) // 1910. Приложение № 53.
4. Водопад (Из Негри) // 1911. Приложение № 18.
5. Волна бежит (Из Ады Негри) // 1911. Приложение № 52.
6. Весенняя смерть (Из Ады Негри) // 1912. Приложение № 14.

Показательным для понимания переводческой манеры Е. Бунге может быть стихотворение «Ночь», известное, как минимум, в двух вариациях русских современников поэтессы: стихотворном переводе Шулятикова и прозаическом переложении Анненского, вызвавших дискуссии в современном стиховедении³⁸. Сопоставим два стихотворных текста с оригиналом:

Ada Negri	Ночь. Из Ады Негри	Ночь
Notte	Перевод Е. Бунге	(перевод Шулятикова)
Sul giardino fantastico	Сад дремлет, залитый	В саду очарованном

³⁵ Шулятиков В.М. Предисловие к изд.: Негри Ада. Стихотворения. Пер. с ит. С портретом Ады Негри и предисловием переводчика. Вып. I. Изд. П.С.Когана. М., Типолитография А.В.Васильева. Петровка, д. Обидиной. 1900

³⁶ Там же.

³⁷ Книги Ромэна Роллана / Из литературного дневника // Сибирская жизнь. - 1912. - №97. - Подпись: Г. Вяткин

³⁸ См.: Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в культуре Серебряного века. М.: РГГУ, 2002; Косихина С. В. Неизданные переводы И. Ф. Анненского: Цикл стихов в прозе "Autopsia" // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2008. Вып. 3 (13). С. 40-71.

Profumato di rosa La carezza dell'ombra Posa.	Дыханием роз, Под ласкою ночи; Средь грез.	Разлит аромат. Ночные лобзания Спустились на сад.
Pure ha un pensiero e un palpito La quiete suprema; L'aria, come per brivido, Trema.	Все тихо. Объято Все думой одной , И воздух трепещет Ночной.	Но странное грезится Глухой тишине, И ветер колеблется В безрадостном сне.
La luttuosa tenebra Una storia di morte Racconta a le cardenie Smorte?	Гардениям бледным В таинственный час, О смерти ль ночь шепчет Рассказ?	Быть может, поведала Печальная мгла Дрожащим гардениям Людские дела...
Forse—perchè una pioggia Di soavi rugiade Entro i socchiusi petali Cade.—	Быть может: роса, ведь, В прозрачных слезах, Дрожит на раскрытых Цветах.	БЫТЬ может... и катится Росистый бальзам Дождем освежительным По сонным листкам...
.... Su l'ascose miserie, Su l'ebbrezze perdute, Sui muti sogni e l'ansie Mute,	Над скрытой печалью , Над грезой немой , Утраченным счастьем , Тоской,	...Над горем безвыходным , Над мертвой мечтой , Над грезой несбыточной , Над тайной тоской ,
Su le fugaci gioie Che il disinganno infrange, La notte le sue lagrime Piange.	Над радостью беглой Что мчится уж прочь, Печальные слезы Льет ночь.	Над призрачной радостью, Бегущей прочь, В слезах разливается Скорбящая ночь.

«Дамское рукоделие» (Ю.Б. Орлицкий о стихах Негри) гораздо более адекватно передается киевской переводчицей. Во-первых, она, в отличие от Шулятикова (как, впрочем, и других авторов более ранних переводов), не дорифмовывает четверостиший оригинала, воспроизводя характерный прием итальянской поэтессы, связанный с неточностью рифмы. Во-вторых, Бунге удастся избежать украшающих добавлений в виде эпитетов, что в большей степени соответствует поэтическому синтаксису оригинала поэтессы, ориентированной на поэтику веризма, то есть большей миметичности, предметности. Дело не только в том, что количество имен прилагательных у Шулятикова больше: в трансформированных и добавленных им эпитетах выражена исключительно названная апология страдания, при этом средствами синонимов, отдаляющих от символизма ночи и приближающих мистическому романтизму и к чувствительности за счет значительно усиленной метафоричности. Почти ни один предмет в его интерпретации не остается без подобного рода эпитета: «Глухой тишине», «В безрадостном сне», «Печальная мгла», «мертвой мечтой», «тайной тоской», «призрачной радостью», «Скорбящая ночь». Бунге публикует свой цикл из Негри спустя более 10 лет после Шулятикова, воспроизводя ее образы средствами символизма, уже созревающего на почве русской поэзии и выработавшего новый инструментарий художественной выразительности, что оказывается более соответствующим оригиналу. Полемический характер такого представления отражается в игнорировании социальных, политических, натуралистических стихотворений итальянской поэтессы в ряду этих переводов.

Все другие переводы, опубликованные в изученной нами периодике регионов, выполнены авторами-мужчинами. В сибирских газетах выходят только 3 публикации, 2 из которых перепечатываются из других изданий: это программное стихотворение о рабочих «Пожар шахты»³⁹, и любовная лирика, представленная от лица женского персонажа («Безвестные слезы»⁴⁰). И. Иванов переводит специально для «Сибирской жизни» всего

³⁹ Пожар шахты. Из Ады Негри. Сибирский вестник. 1903. № 86. Подпись: Перм. край.

⁴⁰ Безвестные слезы (из Ады Негри). Сибирский вестник. 1903. № 106. Подпись: Астрахан. вестн.

одно лирическое стихотворение⁴¹. Поэзия Негри привлекает авторов региона в гораздо меньшей степени, чем итальянская проза и публицистика на актуальные социально-бытовые темы, очевидно, в связи с созвучием аналитической психологии специфике региона, связанной с темой преступности и вопросом об образовании и просвещении женщин сибиряков более привлекают разыскания Ч. Ломброзо и женская проза М. Серао⁴².

В других юго-западных изданиях помимо цикла Е. Бунге выделяются опыты известных литераторов А.М. Федорова (1868-1949)⁴³ и И.А. Бунина (1878-1953)⁴⁴, опубликовавшие в «Южном обозрении» 1897-1900 гг. Их 5 переводов из Негри, впервые представивших ее местному читателю с различных точек зрения. И все же первое знакомство сопровождалось комментарием Федорова, во многом созвучным последующей характеристике Шулятикова: «Ада Негри, два стихотворения которой мы помещаем здесь, принадлежит к небольшой группе молодых итальянских поэтов. Происходя из народной среды (мать её была простой работницей на фабрике), Ада Негри брала сюжеты первых своих стихотворений из трудовой, близко ей знакомой, жизни. Отличительные черты её поэзии – реальность, любовь к природе, глубина чувств и необыкновенная энергия стиля»⁴⁵. Разнообразное в своих индивидуально-авторских проявлениях переводческое и критическое восприятие поэзии А. Негри на страницах периодики регионов еще ожидает своего исследователя и нуждается в специальном комплексном освещении.

Если обратиться к другим именам итальянских стихотворцев на страницах исследуемой периодики, то можно назвать еще всего только 2 перевода: Г. Вяткина из Леопарди⁴⁶ и И.А. Бунина из Петрарки⁴⁷. Словом, имя Ады Негри в исследуемой периодике двух регионов является синонимом итальянской поэзии рубежа веков.

Циклы переводов с разных языков

Наряду с немецкой, французской и итальянской поэзией в лице центральных ее персоналий в исследуемой библиографии находятся, с одной стороны, менее известные представители оных, с другой стороны, стихотворения, переведенные с других языков, интерес к которым не имеет системного характера. В количественном отношении за итальянской поэзией в печати Юго-Западного края следует польская, при этом представлены в первую очередь авторы романтического и народнического направлений, в то время как в сибирской периодике польская поэзия представлена преимущественно в перепечатках русских переводов из других изданий. Исключение составляет, пожалуй, лишь общий для обеих провинций интерес к женской поэзии и прозе, в особенности к сочинениям М. Конопницкой⁴⁸. Наличие в юго-западных изданиях циклов из А. Асныка (Adam Asnyk; 1838-1897), в творчестве которого сочетаются романтизм и философская проблематика позитивизма, что соответствует магистральной тенденции в рецепции поэзии других инонациональных литератур, а также народнической лирики К. Тетмайера (Kazimierz Przerwa-Tetmajer; 1865-1940). В 1888-1889 гг. на страницах «Южного обозрения» выходят 3 стихотворения Асныка, в том числе «Лилии»⁴⁹ и «Астры»⁵⁰ в

⁴¹ Из Ады Негри. Сибирская жизнь. 1909. № 137. Подпись: Иосиф Иванов.

⁴² Переводы итальянской литературы в периодике Сибири: Хрестоматия /Никонова Н.Е., Вишнякова Е.А., Баракина Е.А., Черткова В.В. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. 182 с.

⁴³ Песня труда (Cantodella Zappa) (Из Ады Негри) + Старец (Vegliardo) // Южное обозрение. – 1897. – № 9. – С. 2; Нет (Из Ады Негри) // Там же. № 13. – С. 3.

⁴⁴ Из А. Негри // Южное обозрение. – 1899. – № 779; Из А. Негри // Южное обозрение. – 1900. – № 1081.

⁴⁵ Негри Ада. Стихотворения. Пер. с ит. С портретом Ады Негри и предисловием переводчика. Вып. I. Изд. П.С. Когана. М., 1900. С. 8.

⁴⁶ Женщинам (Из Леопарди) // Сибирская жизнь. 1910. № 192. С. 3. Подпись: Г. Вяткин.

⁴⁷ Из Петрарки/ Фельетон «Одес. Нов»// Одесские новости. – 1896. – № 3669. – С. 2. Подпись: Ив. Бунин

⁴⁸ Никонова Н.Е., Серягина Ю.С., Палкина Е.А., Аблогина Е.В. Переводы польской литературы в дореволюционной периодике Сибири: хрестоматия. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2019. 236 с.

⁴⁹ Лилии. А.Асныка // Южное обозрение. – 1898. – № 545. – С. 2. Подпись: Ив. Бунин

⁵⁰ Астры. А. Асныка // Южное обозрение. – 1899. – № 958. – С. 3. Подпись: Ив. Бунин

переводе И.А. Бунина. К Тетмайеру обращаются в 1903 и 1910 гг., причем 2 перевода А. Лахтина 1910 г. помечены как авторизованные⁵¹.

В сибирском регионе следующее после итальянской место занимает английская и американская поэзия, польская литература стоит на третьей позиции после французской и немецкой, но благодаря переводам прозы. Стратегии критического, театрального и переводческого восприятия в томской периодике английской и американской литературы определены В.Н. Горенинцевой и концентрируются главным образом на творческом усвоении, одомашнивании, сглаживании культуроспецифичных особенностей оригиналов. Так, стихотворение Г.У. Лонгфелло «Excelsior!» в варианте Г. Вяткина «становится своеобразной манифестацией нравственной и гражданской позиции переводчика»⁵², что мы могли наблюдать и на примере других его многочисленных переводов с разных языков. Ю.А. Тихомировой изучены его же подражания Р. Бёрнсу, получающие в исследовании дефиницию псевдопереводов с указанием на то, что создаваемый Вяткиным миф о Бернсе есть «своеобразный флэш-бэк в романтизм, когда настоящий Берне оказался, по большому счету, не нужен, а востребованной и самоценной оказалась абстрактная идея народного самосознания, самостояния, ассоциированная с именем великого шотландского поэта»⁵³. Интересно, что самых знаменитых переводчиков одесских изданий привлекают те же авторы-романтики: в 1896 г., за 7-9 лет до Вяткина, А. Федоров публикует два стихотворения («Памяти Бёрнса»⁵⁴ и «Из Р. Бернса»⁵⁵), в 1898 г. И.А. Бунин печатает два отрывка из Г. Лонгфелло⁵⁶. Поскольку томские авторы охотно читали, перепечатывали и обсуждали то, что выходило в «Одесских новостях», мы можем предположить наличие некоторого взаимовлияния печатных органов областников.

Однако не менее репрезентативными из ряда стихотворных являются переводы с украинского (малороссийского, или малорусского) и болгарского языков.

Среди украинских поэтов центральной фигурой является, конечно, Т. Шевченко. Абсолютное большинство переводов принадлежит перу известного поэта украинского происхождения Павла Арсеньевича Грабовского (1864-1902). Известно, что он был талантливым переводчиком с западноевропейских языков, а также с языков народов Российской империи на украинский. «С одной стороны, его русские переводы в печати Томска отражают представления противника искусства для искусства, каковым считал себя Грабовский. С другой стороны, такое настроение было характерно и для самой многочисленной диаспоры в Сибири и на Дальнем Востоке 1890–1900-х гг. – украинской»⁵⁷. Из более чем 20 публикаций П. Грабовского 10 представляют украинскую поэзию на русском языке.

Переводы с болгарского представлены исключительно поэтическими произведениями и насчитывают не менее 9 текстов, при этом авторы оригиналов нигде не

⁵¹ Очарованный лес. Из Казимира Тетмайера (Авторизованно) // Киевская мысль. – 1910. – Приложение № 12. – С. 89. Подпись: Анатолий Лахтин.

Из К. Тетмайера. Воды (Авторизовано) // Киевская мысль. – 1910. – Приложение № 39. – С. 263. Подпись: Анатолий Лахтин

⁵² Горенинцева В.Н. Английская и американская литература на страницах томской дореволюционной периодики: критика, переводы, театр: антология библиографических материалов и переводов. Томск : Томский гос. ун-т, 2010. С. 18.

⁵³ Тихомирова Ю. А. Псевдопереводы Г. А. Вяткина из Роберта Бернса / вступ. ст. и публ. Ю. А. Тихомировой // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. М., 2014. Т. 2. С. 393-401.

⁵⁴ Памяти Бёрнса. Из Бёрнса. Субботний вечер в деревне/Фельетон «Одес. Нов»// Одесские новости. – 1896. – № 3684. – С. 2. Подпись: А. Федоров

⁵⁵ Из Р. Бёрнса // Одесские новости. – 1896. – № 3699. – С. 2. Подпись: А. Федоров

⁵⁶ Гайавата и Мэджеквивис «Из песен о Гайавате», Лонгфэлло (пер. с англ.) // Южное обозрение. – 1898. – № 521. – С. 2. Подпись: Ив. Бунин; Индейская любовная песня. Генри Лонгфелло / Маленький фельетон // Там же. – 1898. – № 587. – С. 3. Подпись: Ив. Бунин

⁵⁷ Никонова Н.Е. Перевод и переводчики в литературной периодике Томска конца XIX века (И.И. Почекас, П.А. Грабовский, А.О. Станиславский и П.Л. Черневич) // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 30-52.

указываются, приводится помета «с болгарского» и имена переводчиков, среди которых сосланный в Сибирь знаменитый потомок княжеского рода Всеволод Алексеевич Долгоруков (1845-1912), много сделавший для культурной жизни Томска и вновь Г. Вяткин. Болгарская литература второй половины XIX– начала XX вв. переживала, как известно, подъем патриотических настроений в связи с национально-освободительным движением, направленным к обретению независимости от Турции, знаковым событием на этом пути стало восстание 1876 г. Разделение интеллигенции на просветителей и революционеров-либералов находило выражение и в поэзии начала века, которая испытывала мощное влияние русской литературы. Выбранные томичами стихотворения, принимая во внимание отсутствие указаний на авторство оригинала, принадлежат в большинстве своем к революционно-демократической тематике и созвучны друг другу в основных строках с призывом к свободе или сожалением о ее утрате, сравним строки из нескольких таких переводных произведений (указанные аналогии выделены нами шрифтом):

С болгарского (Фантазия)

Годы проходят, - всё менее силы,
Пасмурней небо кругом.
Братьям великим копаем могилы,
Сами в недоле живём.
Где упования? Где светлая вера,
Что создавала бойцов –
Силы могучей, не знавшей размера
И не бежавших оков?..⁵⁸

С болгарского

При звуке труб и пуль барабанном
Мы встали ровно, чтоб на бой идти,
И – словно дети – в воздухе туманном
Уж прозревали славные пути.
Но, побеждённые, зачем покорно
Мы отдались нечестью, как рабы, -
Не проявили стойкости упорной,
А изливали жалкие мольбы?!⁶⁰

С болгарского. Стихотворение

Полно! замолкни ты, песнь похоронная;
Нет, – я не верю: главу непоклонную
Сломают, – не склонят удары судьбы
Чую – желанья в груди разгораются,
Чую, как силы растут, поднимаются, –
Вновь я готов для борьбы!...⁶²

С болгарского

Был мрак кругом; но разошлись тучи –
И день над нами в блеске засиял,
И чей-то голос – длинный и могучий –
Нам **слово правды** смело возвещал.
И в упоении, счастьем объята,
Дар неба приняли с восторгом мы;
Нам нравилось, что больше нет возврата
К былым годам – нечестия и тьмы⁵⁹.

С болгарского

Умирает заря... Тихо-тихо вокруг,
Ночь надела свой звёздный прекрасный венец.
Отдохни, о мой любящий друг, -
Отдохни, утомлённый борец!
Долго-долго борьба.
За свободу и счастье отчизны родной. –
Но не дрогнул наш враг. – И судьба
Улыбнулась улыбкою злой⁶¹.

С болгарского

Загудел в ночи набат...
Стонет колокол проснувшийся,
Для призыва вострепнувшийся...
Звуки реют и дрожат...
Загудел в ночи набат...⁶³

Таким образом, болгарская и украинская поэзия выступила глубоко продуктивным источником для реализации имагологической функции переводной литературы, в ней сибирские областники нашли идеи, резонировавшие с центробежными силами в отношении к имперскому центру и настроениями либерально настроенной интеллигенции, представители которой нередко были сосланными в Сибирь по различным, в том числе политическим причинам. В целом же, переводная поэзия, представленная на страницах двух регионов, послужила важным каналом меж- и внутрикультурного трансфера, посредством которого реализовывалась просветительская и идеологическая программа формирования местного литературного процесса, главную роль при этом играли отдельные

⁵⁸ Сибирский вестник. 1887, № 135.

⁵⁹ Там же. 1889, № 87.

⁶⁰ Там же. 1901, № 72.

⁶¹ Там же. 1903, № 33.

⁶² Сибирский наблюдатель. 1905. № 6. С. 64. В.В. Мягков.

⁶³ Сибирский вестник. 1905. № 178. Подпись: Г. Вяткин

центральные авторы, выступившие посредниками и переводчиками. Выявление таких персоналий и исследование их оригинального и переводного литературного наследия является актуальным вопросом, поскольку необходимым видится не только изучение отдельных рефлексов их интерпретаций того или иного сегмента зарубежной литературы, но и определение их места в истории русской переводной словесности Серебряного века.

Подобное исследование имеет свою историю вопроса на материале сибирской периодики, где выявлены фигуры Черневича, Станиславского, Грабовского, за которыми последуют Вяткин, Гребенщиков и другие литераторы, коим суждено было образовать основание для объединения «Молодой Сибири» и литературы региона⁶⁴, в целом. Прецедентного изучения заслуживает переводная литература юго-западного региона, нуждается в осмыслении еще целый ряд местных авторов, переводивших с одного или сразу с нескольких языков и составивших свой творческий метод и репертуар за счет иностранной прозы, поэзии и публицистики.

Из таких авторов циклов переводной поэзии, о которых еще не шла речь в данной статье, стоит упомянуть о Николае Эрнестовиче Глокке, преподавателе Киевского коммерческого училища и Коллегии Павла Галагана, члене религиозно-философского общества. Глокке был автором путевых записок о жизни славян на Балканах⁶⁵. Его перу принадлежит фундаментальный исторический труд о роли Я. Кохановского в польской культуре⁶⁶, речи памяти А. Мицкевича и Н.В. Гоголя⁶⁷, доклад о церковном единстве, изданный в 1917 г.⁶⁸

Однако начинал Глокке с переводов стихотворений, преимущественно взятых из творчества представителей российских инонациональных провинций, на русский язык, которые опубликовал в «Киевлянине» в 1898-1899 гг. Его перу принадлежат не менее 12 переводов с немецкого, польского, грузинского и болгарского языков, что составляет половину всех стихотворных переводов, вышедших на страницах газеты, наиболее активно из всех исследованных источников обращавшейся к зарубежной прозе. Глокке выполнил 3 перевода⁶⁹ из самого известного на рубеже веков грузинского поэта, просветителя и общественного деятеля И.Г. Чавчавадзе (1837-1907), 5 стихотворений, взятых из творчества польских современников неомодернистского толка (В. Белзы⁷⁰, М. Конопницкой⁷¹, К. Уеского⁷², А. Асныка⁷³). Художественная манера Глокке отличается своей выразительностью и точностью слога, отсутствием шаблонов и сентиментально-романтических штампов или социально-патриотической лозунговости, высоким религиозным пафосом. Переведенные из К. Уеского «Агарь в пустыне» и «Отец песни» (о Каине) представляют проекции важнейших библейских образов на современную действительность. Национально-освободительная идея, в различной степени имевшая распространение в регионах империи и отчетливо выраженная в творчестве выбранных Глокке авторов, не находит прямой реализации в его переводах, где главенствует тема

⁶⁴ Никонова Н.Е. Перевод и переводчики в литературной периодике Томска конца XIX века (И.И. Почекас, П.А. Грабовский, А.О. Станиславский и П.Л. Черневич) //Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 30-52.

⁶⁵ Глокке П. Письма с дороги // Киевлянин. 1899. №200-259.

⁶⁶ Ян Кохановский и его значение в истории польской образованности XVI века / Н.Э. Глокке. - Киев : тип. Имп. ун-та св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1898.

⁶⁷ Н.В. Гоголь и «грешники»: Речь преп. Н.Э. Глокке в день столет. юбилея Н.В. Гоголя. - Киев : тип. Р.К. Лубковского, [1910]. - 8 с.; 25.

⁶⁸ К вопросу о церковном единстве: (Старообрядческая Белокриницкая иерархия и вселенская церковь) : (Доклад, прочит. 3 сент. 1916 г. в закрытом заседании Киевск. религиозно-философск. о-ва) / Н. Глокке. - Киев: [б. и.], 1917. - 21 с.;

⁶⁹ Чавчавадзе, И. [С грузинского] // Киевлянин. - 1898 - №148. - С. 2.; Чавчавадзе, И. Поэт // Там же. - 1900 - №37 - С. 2.; Чавчавадзе, И. Элегия // Там же. - 1900 - №37 - С. 2.

⁷⁰ Белза В. // Там же. - 1898 - №162. - С. 2. [Переводчик - Н. Глокке]

⁷¹ Конопницкая М. Призыв // Там же. - 1898 - №162. - С. 2. [Переводчик - Н. Глокке]

⁷² Уеский К. Агарь в пустыне // Там же. - 1898 - №297. - С. 2. [Переводчик - Н. Глокке]

⁷³ Аснык А. Люблю тебя // Там же. - 1899 - №301 - С. 2. [Переводчик - Н. Глокке]

высокого любовного чувства и духовного пути, веры в Бога и высокие гуманистические ценности, что соответствовало антируссофобскому курсу «Киевлянина», авторы которого реализовывали важнейшую единства региона культурную программу, не менее важную, чем областническая идея для Сибири.

Франко-прусская война (1870-1871), гибель императора Александра II (1871), русско-японская война (1904-1905) и волнения 1905 г. стали для Российской империи тем контекстом, который обусловил всплеск творческих поисков оснований для выстраивания культурной идентичности на пути к новому государству, новому режиму, новому столетию. В период относительного затишья 1898-1904 гг. наблюдается значительное увеличение художественных переводов с европейских языков на русский не только как следствие интенсификации международных контактов и желания сообщить о них просвещенному читателю, но и вследствие стремления сформировать позицию определенного сообщества (читателей) по основным вопросам, суждениям и течениям в западной мысли и культуре, как-то: женский вопрос и сионизм, преступность и наказание, религиозная философия и аналитическая психология. Многонациональные российские провинции прибегают к зарубежному опыту в данных целях наиболее охотно, при этом не торопясь перенимать новинки, критически высказываясь о радикальных идеях декаданса и оставаясь на позиции консервативной ретроспективной аксиологии.

Литературные опыты провинциальных авторов по переводу поэзии, в изобилии появившиеся в регионах, отдаленных от столиц, но имеющих собственную активную культурную жизнь и нуждающихся в стратегическом планировании социально-исторических процессов извне и изнутри, являются симптоматическим подтверждением того, что русская переводная литература наряду с национальной играла важнейшую нациестроительную роль, которая возрастала в периоды наиболее активных процессов на локальном и мировом уровне.

Издание научной комментированной библиографии переводной литературы, опубликованной на страницах ряда самых продуктивных в этом отношении периодических изданий регионов Российской империи 1880-1910-х гг. впервые позволит представить объективную картину и важнейшее значение межлитературных взаимосвязей в период процесса самых активных историко-культурных преобразований на пути к реформированию национального самосознания и обретению новой нациестроительной идеи.